

«ОН ВЕСЬ,
КАК БОЖИЯ ГРОЗА»:
ОБРАЗ ПЕТРА I
В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
ЖУРНАЛИСТИКЕ

Под редакцией
О. С. Кругликовой

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2022

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)46
О 58

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 20-011-42018*

О 58 «Он весь, как божия гроза»: образ Петра I в русской дореволюционной журналистике / под ред. О. С. Кругликовой. – СПб.: Алетейя, 2022. – 562 с. : ил.

ISBN 978-5-00165-566-4

Коллективом авторов предпринята попытка комплексного анализа образа первого русского императора, который сложился на страницах русской дореволюционной журналистики. Соединяя академическое сообщество и массового читателя, журналистика всегда была основной средой формирования и закрепления исторической памяти. При этом фрагментарность изложения, стремление к упрощению, высокий полемический накал были естественны для журналистского текста, и породили противоречивые интерпретации государственной деятельности Петра I. Образ Петра I, став в XIX в. инструментом политической журнальной полемики и даже предметом карикатуры, приобретал все более символическое значение, порождая, наряду с глубокими оценками, множество публицистических клише. Изучению того, как формировалась в словесных и изобразительных жанрах дореволюционной журналистики историческая память о первом русском императоре, посвящена эта книга.

УДК 94(47).05

ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-00165-566-4

9 785001 655664

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Коллектив авторов, 2022

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2022

3.1.1 Модернизация, реформа, прогресс – бытование слов в русском культурном контексте

Первые фиксации слова «прогресс» в словарях относятся к 1860-м гг. (словари В. И. Даля, Ф. Г. Толля, словари иностранных слов; «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. этого слова не содержит)¹. В текстах XIX в. слово используется с 1830-х гг., в предыдущие десятилетия синонимом выступали слова «шествие», «движение», «развитие». Поначалу в употреблении слова «прогресс» наблюдаются две черты: во-первых, использование через запятую или в скобках его иноязычных аналогов (англ. *movement* и особенно фр. *progrès*), что свидетельствовало о постепенном проникновении слова в русский язык, во-вторых, наличие дублетной пары «прогресс – прогрессия», вторая часть которой только в 1840-х гг. стала употребляться лишь как математический термин. В 1840–1850-х гг. о прогрессе пишут в разном ключе, в том числе пуристически, особенно нападая на В. Г. Белинского, полюбившего понятие «прогресс» и многократно использовавшего его в своих произведениях, а в 1851 г. в «Москвитянине» в рецензии на перевод Д. Я. Чистовичем «Руководства к оперативной хирургии» указано, что «перевод очень богат нерусскими словами, которым есть равносильные русские» – в частности, к слову

¹ История слова подробно рассмотрена Ю. С. Сорокиным: Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-е – 90-е годы XIX века. М.; Л., 1965. С. 83–85.

Впрочем, «Национальный корпус русского языка» выдаёт и такой пример: «Об екзерцициях военных можем сказать, что были весьма к прогрессу обучения его величеству и всем молодым людям» [Б. И. Куракин. История о царе Петре Алексеевиче и ближних к нему людях (Начало самостоятельного правления Петра) (1709)].

«прогрессивный» рецензент даёт аналог «постепенный»¹. На 1860-е гг. приходится взлёт частотности употребления слова «прогресс»: как отмечает Ю. С. Сорокин, оно идеологизируется и «приобретает исключительную популярность, особенно в кругах демократической и либеральной интеллигенции», проникая в тексты разных жанров и стилей, в том числе в стихи. В середине XIX в. складывается словарное гнездо дериватов: «прогрессивный», «прогрессивно», «прогрессивность», «прогрессист»², «прогрессизм», «прогрессировать»³, а его анто-

¹ Ср. в статье в газету «Молва» К. С. Аксакова (1857): «Россия, в понятии европейского Запада, это варварская страна, это страшная, только материальная сила, грозящая подавить свободу мысли, просвещение, преуспеяние (прогресс) народов».

Здесь и далее примеры приводятся по материалам «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ).

² Очень быстро начинает употребляться в ироничном ключе, обозначая человека, поддерживающего идеи прогресса лишь на словах: «Представьте, умнейший человек, кандидатом кончил курс в университете. До поднятия вопроса об освобождении крестьян был прогрессист в полном смысле этого слова, враг отсталости, рутины, застоя, et cetera, et cetera. Но заговорили о свободе крестьян, взялись за святое дело их освобождения, – и наш горячий прогрессист, наш глашатай великих идей rrrrrr!!!» [*И. С. Никитин*. Письма (1853–1861)]; «...какими это судьбами вы-то – ведь вы у нас такой либерал, демократ, прогрессист – и вдруг на этом обеде!.. Ведь вы за мужиков всегда, на словах-то» [*В. В. Крестовский*. Панургово стадо (1869)].

В публицистике показательное осмысление этого слова М. Е. Салтыковым-Щедриним: «Конечно, если мы будем следовать только буквальному, действительному значению этого слова, то не увидим в нем ничего предосудительного. Что такое прогрессист? Это человек добра, человек, верящий в непрерывное нравственное и материальное преуспеяние общества. Против такого толкования протестовать было бы нелепо. Но в том-то и дело, что некоторые слова, кроме действительного значения, имеют еще значение искусственное, придаваемое им озорством и недобросовестностью и с изумительною легкостью усваиваемое практикою. [*М. Е. Салтыков-Щедрин*. Человек, который смеется (1869)]; «Прогрессист – такой же идеолог, как и консерватор или ретроград, и душа его так же мало откликается на дело, как и душа самого заскорузлого ханжи-обскуранта. [*М. Е. Салтыков-Щедрин*. Итоги (1871)] и т.п.

³ В общем значении ‘развиваться, нарастать, увеличиваться, усиливаться’.

ним – слово «регресс» – появляется в русском языке только с 1860-х гг¹.

В середине XIX в., помимо активного употребления непосредственно слова «прогресс», образуются различные словосочетания, относящиеся к идее прогресса: «нравственный прогресс», «прогрессивное движение», «любовь к прогрессу», «умственный прогресс», «прогресс светлости в уме», «прогресс в умственной жизни», «прогресс эманципации», «идти прогрессивно» ‘развиваться’, «мыслить прогрессивно», «прогресс литературы» и др. Прогресс становится связан с наукой и просвещением (что, впрочем, не помешало Н. В. Гоголю во втором томе «Мёртвых душ» шутливо описать молодость помещика Тентентикова: «В общество это затагнули его два приятеля, принадлежавшие к классу огорченных людей, добрые люди, но которые от частых тостов во имя науки, просвещения и прогресса сделались потом формальными пьяницами»). Прогресс становится связан с самой жизнью: на вопрос собеседника, что произойдёт, когда человек сольётся с природой в неразделимое единство, т.е. в той или иной трактовке достигнет счастья, М. Е. Салтыков-Щедрин устами персонажа Нагибина ответил так: «тогда прекращается прогресс человека, тогда наступает период его успокоения, и так как жизнь обуславливается движением и исключает идею инерции – наступает период смерти... ибо, во всяком случае, результатом всех систем лежит одна и та же венчающая их идея счастья, равносильная смерти» [Противоречия (1847)] – иными словами, послед достижения цели «приходит страшнейшая из амортизаций – амортизация сердца и души». Наконец, прогресс, даже будучи связан с заимствованиями, остаётся, согласно Н. Г. Чернышевскому, делом национальным²: «Даже и тогда, когда прогресс одного народа совершается чрез заимствование у другого, он тем не менее со-

¹ Ср. в «Повреждённом» А. И. Герцена (1851): « – Итак, a la fin des fins, выздоровление человека начнется тогда, когда вместо прогресса люди пойдут вспять с целью зачислиться со временем в орангутанги, – сказал лекарь, закуривая свежую сигару».

² Ср. с параграфом 3.3.1 настоящей монографии.

вершается национально. Иначе нет прогресса» [Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы (1856)].

В то же время становится понятно, что слово «прогресс», как и многие другие ключевые слова эпохи, вполне способно становиться ширмой, за которой ничего не скрывается, и которое употребляется единственно ради самого употребления, чтобы показать принадлежность автора к актуальной современности: «Разумеется, есть произведения, которые нравятся нам по каким-нибудь случайным отношениям к нашей личности; но если вам понравится, например, стихотворение господина Икса потому только, что в нем выражена, например, любовь к прогрессу – это будет доказывать только то, что вы очень любите прогресс, что вы порядочный человек, а стихотворение господина Икса – все-таки никуда негодное стихотворение и сам господин Икс – не талант, а бездарный стихотворец» [В. Н. Майков. Стихотворения Кольцова с портретом автора, его факсимиле и статьей о его жизни и сочинениях (1846)].

Прогресс неразрывно связан с осовремениванием или, используя заимствованное слово, с модернизацией. К сожалению, их полноценное сопоставление на лексическом, а следовательно, и понятийном уровне в данном случае затруднительно, поскольку бытование этого слова в русском языке лишь отчасти приходится на XIX в. Первая словарная фиксация слова «модернизация» отмечается лишь в 1938 г. в словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова¹.

НКРЯ представляет менее десятка примеров упоминаний модернизации, первый из которых встречается в переводном романе «Кенелм Чиллингги» (1873), в котором вовремя полученное наследство помогло одному из персонажей «модернизировать все имение» – любопытно, что известная переводчи-

¹ Также и «модернизатор», «модернизированный», «модернизировать(ся)», «модернизованный», «модернизовать» – все с пометой «книжное», а также негативно осмысляемые в духе 1930-х гг. искусствоведческие понятия «модерн» 'упадочный стиль', «модернизм» 'упадочное течение, враждебное реализму', «модернист», «модернистка» и «модернистский».

ца Е. Н. Ахматова именно так перевела сочетание “the general improvement of his estate” английского текста. Очевидно, в её языковом сознании слово «модернизировать» было лучшим вариантом для передачи действий героя.

На рубеже последнего десятилетия XIX в. и первого десятилетия XX в. модернизация воспринимается, судя по всему, преимущественно негативно: «Нам смешно теперь все это, но те же самые взгляды, модернизированные и смягченные псевдонаучной болтовней, побуждают ученых мудрецов утверждать, что без жандармов и тюремщиков человек не может жить в обществе» [П. А. Кропоткин. Век ожидания (1889)]; «С тех пор я научился ценить исторические первоисточники больше, чем модернизированные сочинения» [П. А. Кропоткин. Записки революционера (1902)]; «Это причисывание греков и римлян, вавилонян и египтян под капиталистов и пролетариев нового времени, которое все больше входит в моду, имеет не только удобства; но и опасные отрицательные стороны, так что, быть может, придется когда-нибудь чистить историческую науку от этих плевел модернизации» [С. Н. Булгаков. Философия хозяйства (мир как хозяйство) (1912)]; «Но нет в этом ничего существенно нового: это лишь модернизированное выражение старой схоластической идеи» [Н. А. Бердяев. Смысл творчества (1913–1914)] и т.п. Обновление на современный манер, очевидно, виделось литераторам и философам неприемлемым не столько с точки зрения содержания, сколько с точки зрения номинации: вполне одобряемое развитие (например, модернизация промышленности и сельского хозяйства) вступало в конфликт с используемым для его наименования заимствованием, которое отчасти дублировало слово «прогресс», отчасти же было связано с миром искусства, где посыл отрицания традиционности был вполне допустим, однако перенос художественного принципа в реальную жизнь оценивался отрицательно.

Также прогресс связан и с законодательным регулированием нововведений, с преобразованиями «сверху», т.е. с реформами. Слово «реформа» присутствует в русском языке с конца XVIII в., к этому же времени относится и глагол «рефор-

мировать»¹. Немногочисленные примеры использования слова до 1820-х вполне соотносятся с современным пониманием реформы как преобразования: «Он мог еще думать о реформе, которую, по его мнению, надлежало сделать в войске его светлости, и для того подавал герцогу разные планы, писанные на больших листах» [Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)]; «Исповедание их веры обещало полезную реформу богопочитания» [Политика // Вестник Европы. 1811]. Последний пример показателен, поскольку долгое время в русском языке корень «реформ» в первую очередь соотносился с Реформацией, отсюда и первоначальное понимание реформатора как человека, придерживающегося вполне определённого вероисповедания («реформатского исповедания»), а не инициатора политических, экономических и иных реформ.

С 1820-х гг. слово «реформа» начинает встречаться в текстах всё более часто, а с 1820-х гг. окончательно входит в широкое употребление. Следствием этого становится различное её смысловое наполнение:

Во-первых, реформа понимается как преобразование, касающееся как всей страны, так и всего общества, всей литературы и т.д.: «Предполагаемая в Российской Империи реформа уподобится восходящему солнцу» [А. С. Шишков. О библейских обществах (1824)]; «Это было время <1820-е гг.> всеобщей литературной реформы, явившейся вследствие начинавшегося знакомства с немецкою, английскою и новою французскою литературами и с здравыми понятиями о законах творчества» [В. Г. Белинский. О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») (1835)]; «Дело только в том, что Гоголь своими произведениями содействовал к совершенной реформе эстетических понятий в публике и в писателях, обратив искусство к художественному воспроизведению действительности» [В. Н. Майков. Нечто о русской литературе в 1846 году (1847)] и др.

Во-вторых, происходит перенос масштабы реформ на быт конкретного человека (хотя вопрос о том, что важнее для

¹ Большой академический словарь русского языка. М., СПб., 2014. Т. 23. С. 640, 642.

отдельной личности: перемены в государстве или в частной жизни, остаётся открытым), нередко при этом наблюдается шутовская интонация: «Скоро приехал, неизвестно откуда, какой-то дальний родственник, наследник имения, служивший прежде поручиком, не помню в каком полку, страшный реформатор» [Н. В. Гоголь. Старосветские помещики (1835–1841)]; «Анна Львовна очень легко внесла дух реформы в дом сестры своей: через три месяца после ее перемещения в этот дом окна гостиной Настасьи Львовны красовались кисейными занавесками, а сама она стала все говорить о свете и светских удовольствиях, – купила себе новый чепец с цветами и бантами и сшила новое шелковое платье» [И. И. Панаев. Прекрасный человек (1840)]; «Где то время, когда я всякий день подымался с постели бодро и весело, с запасом неисполняемых реформ и золотых планов?» [А. В. Дружинин. Дневник (1845)] и т.п.

В-третьих, у слова формируется устойчивая ассоциация с реформами Петра I, который начинает именоваться реформатором в новом значении, т.е. как инициатор реформ: «Рукою нашего реформатора Петра *Petr* за стеклом над дверью в спальню Лютера» [А. И. Тургенев. Дневники (1825)]; «Претензия других славянофилов теснее: они хлопочут собственно о России и требуют, чтоб она возвратилась к тому состоянию, к той степени развития, на которой находилась до реформы Петра Великого, то есть до сношений с Европой» [В. Н. Майков. Краткое начертание истории русской литературы, составленное В. Аскоченским (1846)]; в поэзии Кольцова «в русских крестьянках и мещанках, которые у него выводятся, чрезвычайно любопытно созерцать первообраз русских барышень и барынь среднего и высшего круга, утешаясь успехами современной цивилизации в отечестве и припоминая, что до Петровой реформы не было между ними никакой разницы» [В. Н. Майков. Стихотворения Кольцова... (1846)]; «Можно указать на выходки, разбросанные там и сям, против европеизма, цивилизации, необходимости образования и грамотности для простого народа, против реформы Петра Великого, современных нравов, какие-то темные намеки, что русскому обществу надо воротиться назад и снова

начать свое самобытное развитие с той эпохи, на которой оно было прервано, надо сблизиться с народом, который будто бы сохранил в чистоте древние славянские нравы и нисколько не изменился в продолжение веков. [В. Г. Белинский. Ответ «Москвитянину» (1847)]; «Вследствие мощной реформы Петра, мы прожили десять столетий в одно, и история допетровских времен для нас древняя история» [А. В. Дружинин. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике (1849)] и др.

Особое место в контексте рассуждений о петровских реформах занимает статья Н. Г. Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы» (1856), в которой публицист критикует славянофилов, по мнению которых Россия лишена национального характера, что «делает нас какими-то междуумками, которые хорошо умеют мыслить по-французски, по-немецки и по-английски, – но никак не умеют мыслить по-русски, и что причина всего этого в реформе Петра Великого». Задавшись вопросом «Неужели славянофилы правы, и реформа Петра Великого только лишила нас народности и сделала междуумками?», Чернышевский отвечает на него отрицательно: «Нет, это означает совсем другое, а именно то, что Россия вполне исчерпала, изжила эпоху преобразования, что реформа совершила в ней свое дело, сделала для нее все, что могла и должна была сделать, и что настало для России время развиваться самобытно, из самой себя». Так же считал и М. Е. Салтыков-Щедрин: начала древней русской жизни «носят в себе так мало задатков чего-либо положительного, органического, они сами по себе так односторонни и бедны содержанием, что возвращаться к ним, в настоящее время, значило бы подвергнуть самих себя реформе самой насильственной и неестественной» [Статьи (1856–1860)].

Если петровские реформы понимались как благо для России, то, размышляя о современной ему Европе и неизбежно перенося эти размышления и на будущее России, В. А. Жуковский предостерегал будущего императора Александра II: «Какая цель теперешних реформаторов – я говорю о тех, которые искренне желают лучшего, искренно веруют в действитель-

ность и благотворность своих умозрений – какая цель теперешних реформаторов, вступающих в тот же путь, которым шли их предшественники (а куда привел этот путь, мы видели с содроганием, и знаем, что желанное лучшее на нем нигде не встретилось); какая цель теперешних реформаторов?... Это всеобщее отвержение всякой святыни называется теперь свободой, движением вперед, торжеством человечества, освобождением разума» [В. А. Жуковский. Что будет? (1848)]. Постепенно приходит осознание, что губительное начало несут не только сами реформы и/или неудачливые их проводники, но и количество предлагаемых перемен: «комитеты и комиссии вырабатывают страшную массу проектов реформ» [П. В. Анненков. Письма И. С. Тургеневу (1852–1874)]. Реформа, следовательно, становится не столько попыткой улучшить жизнь людей и укрепить государство, сколько способом подобострастного проявления инициативы, должной свидетельствовать о заботе о процветании государства, но на самом деле могущей только навредить.

Таким образом, прогресс и реформы в общественном диалоге сосуществовали как взаимно ориентированные понятия, что обуславливало общие черты в их осмыслении: от сугубо положительного восприятия до превращения стоящих за этими словами действий в нечто эфемерное и существующее либо только на словах, либо в искажённом виде и тем самым определённо вредное. Модернизация же, несомненно связанная с прогрессом и реформаторской деятельностью, но как понятие появившаяся в русском языке ближе к концу XIX в., лишь частично входит в этот понятийный дискурс, с семантической точки зрения будучи подвержена критике со стороны традиционализма как исторического этапа развития российского общества.